

Артёмова Татьяна Викторовна, Катышев П. А.

[К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ "РИТОРИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ"](#)

Статья посвящена рассмотрению понятия риторической стратегии как индивидуальной реализации коммуникативной стратегии. Регулирование процесса построения риторической стратегии связывается со способностью автора конструировать и воплощать образ адресата. Определение риторической стратегии основано на соотнесении с категориями "коммуникативная стратегия", "речевая стратегия", "жанр", "речевой акт".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/3.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1): в 2-х ч. Ч. I. С. 11-13. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

коров-*ят/ник* '1) тот, кто продает коров, 2) шкура коровы'; *мош-ник* '1) тот, кто добывает и продает мох, 2) тетерев-глухарь, 3) птица из породы самых больших глухарей, 4) тетерев' - *ми-ър/ник* '1) утепленный мхом хлев, 2) болото'; (в) полностью противопоставленных ономазиологических категорий; ср.: *мош-ник* в значениях имен лиц и натурфактов - *ми-ър/ник* '1) теплый хлев для скота, 2) хлев для овец, 3) кладовая для хранения овощей, зимовки пчел, 4) нежилая комната с утепленными мхом стенами, используемая как кладовая для хранения пищи'.

Отмеченная в экспериментах актуализация мотивационного содержания формантной части производного слова в аспекте ее морфонологического строения свидетельствует о том, что ментальное функционирование форманта представляет собой стратегию выбора ассоциативных опор, в соответствии с которой ориентация на форму грамматической категоризации (морфемную последовательность) имеет номинативное значение. В случае морфонологической вариантности форманта детерминированность идентификации слова-стимула осознанием функциональной семантики форманта, а через нее - и мотивационного содержания мотивирующего слова, приводит к усилению ассоциативных функций его формальной структуры в направлении восприятия ее постоянных и переменных компонентов, указывающих на наследуемые и приобретаемые свойства мотивированного знака. В результате постоянная фонемная последовательность, манифестирующая словообразовательный прототип форманта, его основной вариант, служит ассоциативной опорой грамматической категоризации, а переменная часть, маркер алломорфных отношений, определяет перспективы снижения категоризируемых семантических репрезентаций, приводя функционирование морфемных комплексов к вариативности внутренних форм слов-стимулов.

Функционирование морфонологической структуры слова отражает в подобных случаях саморазвитие системы, ведь именно благодаря семиотическим функциям алломорфии в границах словообразовательных типов определяются сферы номинации, имеющие свои морфонологические модели, на материале которых приходится только поражаться «той части картины мира вообще, которая опосредована языковыми знаками или даже - шире - знанием языка, его единиц и правил и, главное, содержанием его форм» [Кубрякова 1988: 144].

Список использованной литературы

1. Антипов, А. Г. Словообразование и фонология: Словообразовательная мотивированность звуковой формы [Текст] / А. Г. Антипов. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. - 288 с.
2. Антипов, А. Г., Стрыгина, О. В. Идиоматичность словообразовательной формы в структуре номинативной деятельности [Текст] / А. Г. Антипов, О. В. Стрыгина // Наука и образование: Тезисы докладов второй научно-практической конференции. - Белово, 2001. - С. 120-124.
3. Колшанский, Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке [Текст] / Г. В. Колшанский. - М.: Наука, 1975. - 231 с.
4. Кубрякова, Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности [Текст] / Е. С. Кубрякова. - М.: Наука, 1986. - 156 с.
5. Кубрякова, Е. С. Размышления об аналогии [Текст] / Е. С. Кубрякова // Сущность, развитие и функции языка. - М.: Наука, 1987. - С. 43-51.
6. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира [Текст] / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. - М.: Наука, 1988. - С. 141-172.
7. Кубрякова, Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения [Текст] / Е. С. Кубрякова. - М.: Наука, 1997.
8. Леонтьев, А. А. Слово в речевой деятельности [Текст] / А. А. Леонтьев. - М.: Наука, 1965. - 245 с.
9. Леонтьев, А. А. Язык. Речь. Речевая деятельность [Текст] / А. А. Леонтьев. - М.: Просвещение, 1969. - 214 с.
10. Сазонова, Т. Ю. Моделирование процессов идентификации слова человеком: психолингвистический подход [Текст] / Т. Ю. Сазонова. - Тверь, 2000. - 134 с.
11. Языковая номинация. Общие вопросы [Текст]. - М.: «Наука», 1977. - 359 с.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «РИТОРИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ»

Артёмова Т. В., Катыхов П. А.
Кемеровский государственный университет

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Антиповым А. Г. и к.ф.н., доц. Ким Л. Г.

Статья посвящена рассмотрению понятия риторической стратегии как индивидуальной реализации коммуникативной стратегии. Регулирование процесса построения риторической стратегии связывается со способностью автора конструировать и воплощать образ адресата. Определение риторической стратегии основано на соотношении с категориями «коммуникативная стратегия», «речевая стратегия», «жанр», «речевой акт».

Развитие коммуникативно ориентированных дисциплин сделало магистральным и вместе с тем одним из наиболее обсуждаемых понятие стратегии. Стратегический подход, по определению В. И. Тюпы, связан с попыткой описать «исходные принципы деятельности, подлежащие выбору деятеля» [Тюпа: в печати]. Данный подход отражен в ряде работ, посвященных изучению различных стратегий: коммуникативных (Н. С. Болотнова, И. Н. Борисова, А. А. Дерябин, Е. Г. Желудкова, О. С. Иссерс, Е. В. Клюев, И. А. Иванчук, И. В. Кузнецов, Н. В. Максимова, А. П. Сковородников, В. П. Тюпа, В. Е. Чернявская, Х. Я. Ыйм, Т. Е. Янко, Т. Е.

Яцуга), речевых (О. С. Иссерс, С. А. Колосов, С. А. Сухих, И. В. Труфанова.), коммуникативно-речевых (Т. В. Матвеева, А. К. Михальская), лингвориторических (А. А. Ворожбитова), риторических (А. Б. Бушев, Л. М. Грановская, Т. А. Ван Дейк, О. С. Иссерс, А. К. Михальская, В. И. Тюпа). Описание типов стратегий указывает на интерес исследователей к разным аспектам стратегического подхода.

Следует отметить, что в области изучения стратегий речевого общения существует ряд нерешенных проблем: 1) не разработаны четкие параметры описания как коммуникативных и речевых, так и риторических стратегий; 2) не рассматриваются возможности различения выделенных стратегий.

Для того чтобы охарактеризовать категорию «риторическая стратегия», требуется: 1) дать определение понятиям «коммуникативная стратегия» и «речевая стратегия»; 2) представить риторическую стратегию (далее РС - Т. А.) как индивидуальное воплощение коммуникативной стратегии (далее КС - Т. А.); 3) установить параметры описания РС.

Обращаясь к проблеме определения КС, следует отметить, что в большинстве работ изучается осуществление КС говорящим (см. Н. С. Болотнова, О. С. Иссерс, И. А. Иванчук, Е. М. Лазуткина, А. К. Михальская, А. П. Сковородников), причем КС отождествляется с понятием авторской интенции: «коммуникативные (или «речевые») стратегии, являясь специфическими способами речевого поведения, осуществляемыми под контролем глобального намерения... определяют семантический, стилистический и прагматический выбор говорящего» [Иссерс 2002: 104-105].

Понятие КС получило более точное определение в работах В. И. Тюпы, И. В. Кузнецова, Н. В. Максимовой. Так, в работе Н. В. Максимовой под КС понимается «значимая для речевого поведения языковой личности соотношенность типа позиции в коммуникации... и типа выражающей эту позицию текстовой формы (ее коммуникативной структуры)» [Максимова 2005: 15]. Здесь существенно указание на то, что КС оперирует типическими категориями, а не индивидуальными.

В. И. Тюпа, развивая идеи М. М. Бахтина, Т. А. Ван Дейка и М. Фуко, определяет КС как «инвариантную модель взаимодействия участников события сообщения (дискурса)». Инвариантной данная модель является в силу того, что в коммуникативном пространстве дискурс «образуется конфигурацией трех дискурсообразующих компетенций: креативной (метасубъектной), референтной (метаобъектной) и рецептивной (метаадресатной). Эти три составляющие есть функции, которые способны наполняться... один и тот же индивидуум всякий раз может занимать в ряду высказываний различные положения и играть роль различных субъектов» [Тюпа: в печати]. Коммуникативный метаобъект, сформированный дискурсивной практикой, также следует признать функцией анализирующего его текста. Для того чтобы коммуникация состоялась, слушатель также должен занять определенную позицию, навязываемую ему коммуникативной стратегией» [там же].

Иными словами, КС регулирует общие принципы отношений внутри коммуникативного акта, выражающегося в определенном жанре.

Представление о КС как модели построения общения сформулировано в работах Е. Г. Желудковой, И. В. Труфановой, Х. Я. Ыйма.

Речевая стратегия, по определению исследователей О. С. Иссерс, Т. В. Матвеевой, С. А. Сухих, И. В. Труфановой, В. Е. Чернявской, является аспектом КС: «можно дать определение [речевой] стратегии как совокупности речевых действий, направленных на решение коммуникативной задачи говорящего» [Матвеева 1995: 66]. Иными словами, КС реализуется как языковыми, так и невербальными средствами, речевая стратегия - только языковыми. Для исследования РС основным является понятие КС. Это обусловлено тем, что осуществление РС не ограничивается языковыми средствами.

Благодаря работам В. И. Тюпы, И. В. Кузнецова, Н. В. Максимовой понятие КС приобрело интересное звучание. Понятие РС на сегодня не имеет четкой трактовки и зачастую характеризуется в качестве стратегии второго порядка, «в рамках которой используются различные приемы ораторского искусства и риторические техники эффективного воздействия на адресата» [Иссерс 2002: 106-107]. Из этого определения можно сделать вывод, что без использования риторических приемов и техник нельзя осуществить риторизованную коммуникацию. Подобная условность лишает понятие РС самого свойства стратегичности, поскольку понятие стратегии уже предполагает ориентировку в условиях осуществления какой-либо деятельности с целью выбора форм действия и последующего их воплощения. Стратегия формирует цельный образ действия и сопровождает его на протяжении всего процесса развития, что предопределяет такие характеристики, как плановость, последовательность, цельность высказывания. Нельзя на одном участке текста использовать РС, а на другом - нет, стратегия носит всеобъемлющий характер.

Следует отметить, что в современной лингвистике РС уделяется меньше внимания, чем КС. Среди имеющихся сегодня исследований РС следует отметить труды Л. М. Грановской, Т. А. Ван Дейка, О. С. Иссерс, А. К. Михальской.

Для определения РС прежде всего требуется установить характер соотношения данного понятия с понятием «коммуникативная стратегия». Если КС рассматривается как «инвариантная модель» взаимодействия коммуникантов, то РС можно представить в качестве *реализации КС в конкретном высказывании*. Обоснование такого толкования РС связано с установлением исходных принципов осуществления РС.

Для определения этих принципов целесообразно обратиться к «Риторике» Аристотеля, где называются составные части коммуникативного события: «Речь состоит из трех элементов: самого говорящего, предмета, о котором он говорит, и лица, к которому обращается и которое есть, собственно, конечная цель всего (я

имею в виду слушателя)» [Аристотель 2000: 14]. Поэтому о специфике РС следует говорить, учитывая категорию адресата. Иными словами, для РС базовым является понятие адресата. Адресат является конституентом и КС, однако отличие КС от РС состоит в особенностях представления адресата. Если в КС адресат - это коммуникативная позиция, обладающая типическими чертами, то в РС - это представление о реальном адресате (аудитории или отдельном человеке) как носителе определенной коммуникативной позиции.

Поскольку РС - это индивидуальное воплощение КС, можно утверждать, что РС присутствует в любом тексте.

В современных исследованиях представление о стратегии как результате учета говорящим фактора адресата сформулировано, однако определяется данная стратегия как коммуникативная или речевая: «на этапе порождения текста именно фактор адресата ввиду коммуникативного характера текста обуславливает выбор автором общей коммуникативной стратегии... включая отбор и организацию языковых средств» [Болотнова 2005: 138]. Таким образом, определения коммуникативных и речевых стратегий, разрабатываемые исследователями Н. С. Болотновой, И. Н. Борисовой, О. С. Иссерс, Е. В. Клюевым, И. А. Иванчук, А. К. Михальской, А. П. Сквородниковым, Т. Е. Яцугой, в основных чертах совпадают с предложенным нами определением РС. Поэтому в результате анализа работ указанных исследователей сформулированное определение РС можно уточнить. Так, при определении исследователями КС / речевой стратегии формируется четкое представление о месте, занимаемом ею в речемыслительном процессе продуцента. Так, предлагаемое Е. В. Клюевым определение КС - «Под КС ... понимается совокупность запланированных говорящим заранее и реализованных в ходе КА теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [Клюев 2002: 18] - показывает, что КС (в нашей терминологии - РС) охватывает этапы формирования и формулирования мысли.

При разработке определения РС с опорой на исследования КС/ речевых стратегий, следует критично относиться к отдельным положениям, выдвинутым в данных работах. Так, КС иногда отождествляются с речевым актом. В частности, Х. Я. Ыйм называет «стратегии уговаривания или угрозы, о стратегиях обсуждения (плана, решения)... стратегии отклонения (например, совета), отказа (от выполнения требования, приказа)» [Ыйм 1987: 205]. На самом деле стратегии, о которых говорит исследователь, являются типами речевых актов. Поскольку воплощение РС всегда связано с осуществлением ряда речевых действий, РС не отделима от понятия речевого акта, однако рассматриваемые категории не тождественны. Иными словами, отношения между РС и жанром / речевым актом можно охарактеризовать следующим образом: *РС есть индивидуальное воплощение жанра, а избранный и упорядоченный в соответствии с авторским образом адресата комплекс речевых актов составляет РС.*

После того, как названы такие характеристики РС, как индивидуальность, проецируемость на этапы формирования и формулирования мысли продуцента, структурированность комплексом речевых актов, следует остановиться более подробно на роли образа адресата в осуществлении РС.

Уже было отмечено, что построение РС предполагает активизацию образа адресата. Следовательно, можно утверждать существование связи между образом адресата и продуктивностью деятельности адресанта. В процессе формирования и формулирования мысли РС находит свое воплощение. Опираясь на знания об адресате, говорящий акцентирует внимание на наиболее значимых его свойствах и соответствующим образом определяет тему и содержание будущего высказывания. Поэтому можно утверждать, что на этапе формирования мысли продуцент оперирует представлением об адресате. По тому, как организовано высказывание, можно судить о тех свойствах адресата, которые стали значимыми для оратора. Иными словами, реализация образа адресата происходит в процессе формулирования мысли. Следовательно, степень проработанности РС на всех этапах речепорождения зависит от того, насколько тщательно были проанализированы адресантом свойства адресата и как эти свойства отразились в готовом высказывании.

Подводя итог, сформулируем следующее определение РС: *РС представляет собой индивидуальное воплощение КС. При этом регулирование процесса построения РС происходит под контролем представления об адресате, которое в ходе формирования и реализации РС также претерпевает изменения от мыслительного конструкта к речевому.*

Список использованной литературы

1. **Аристотель.** Риторика. Поэтика / Аристотель. - М.: Лабиринт, 2000. - 224 с.
2. **Иссерс, О. С.** Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. - М.: Едиториал УРСС, 2002. - 284 с.
3. **Клюев, Е. В.** Речевая коммуникация / Е. В. Клюев. - М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. - 320 с.
4. **Максимова, Н. В.** «Чужая речь» как коммуникативная стратегия / Н. В. Максимова. - М.: Издательство РГГУ, 2005. - 317 с.
5. **Матвеева Т. В.** К лингвистической теории жанра // Collegium. - 1995. - № 1-2. - С. 65-71.
6. **Тюпа В. И.** От поэтики к риторике (в печати).
7. **Ыйм Х. Я.** Прагматика речевого общения // Интеллектуальные процессы и их моделирование. - М.: Наука, 1987. - 400 с.